

Родился в Ташкенте. В 1992 году окончил факультет прикладной математики и механики Ташкентского государственного университета. Стихи и эссе публиковались в журналах «Звезда Востока» (Узбекистан), «Книголюб» (Казахстан), альманахах «Малый шёлковый путь» и «Ark», книге «Неизвестный известный «Ильхом» (Ташкент, 2003). Посмертная публикация стихов в «Иерусалимском журнале» (№ 40'2011). Переводы поэтов Израиля в «Антологии ивритской поэзии» (Ташкент, 2003). Участник 1-го, 2-го и 6-го Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2001, 2002, 2008). Член объединения «Ташкентская поэтическая школа». Лауреат 6-го Фестиваля молодых литераторов Израиля (2005) в номинации «Проза». В 2002 году переехал в Израиль. Умер в Иерусалиме.

ЧЁРНЫЙ СМЕХ

МИРАЖ

Я — мещанин тринадцатого класса,
Живу на третьей линии песков,
Где корабли пустыни, сдавши кассу,
Швартуются у саксаула снов.
Закат шальной окровавил округу:

Песок, колодец, глинобитный дом.
Лишь едкий дым костра приветом другу
Взлетает вверх в сознании моём.
Под черной тканью скрыв черты лица,
Выходит девушка, чтоб напоить верблюдов.
Темнеет. Диск Луны, и звёзды без конца,
И призрачное звяканье посуды.
Откуда-то кузнечик верещит.
В костре стреляют ветки, и, печален,
По беззаконию вдруг ветер загудит.
Поселок пуст, и даже нереален.
Как будто в мире больше нет жилья.
И нет людей, лишь пустота забвенья.
Планета охладевшая, ничья,
Назад отсчитывает все семь дней творенья.
Светает. Пеплом поросли дрова,
И караван-баши зовет в дорогу.
Уходит за барханы караван.
Вслед машет девушка — пустынный ангел Бога.
С её уходом все затихнет вновь.
Песок по крыши занесёт поселок.
Лишь под песком бушует злая кровь,
Предвидя караван — пути осколок.

* * *

Когда мы станем тихим белым эхом,
И этот мир засыплет чёрным смехом,
И синий кот уснёт в слепой ночи,
Я упаду на жёлтые преданья
На старом окровавленном диване
И в топку памяти подброшу кирпичи.

* * *

Сто пятьдесят страниц стихов мне вдруг прислали.
А не моих. На почитать. Как на вокзале,
Где вёрсты, литры и года в одном флаконе,
И стрелки мчат, и поезда, и стали море

Волнуется на раз и два в цеху литейном,
А на проспекте суета, и новоселье,
И пряный пир полубогов и «новой» швали,
И нету дела мне совсем до этой стали.

Достали мысли о еде и о жилище,
Работы суетной в судьбе серы глазищи,
Достали точки, и счета, и поголовья
Рогато-крупного скота тоска воловья.

И вот ещё: почти пять лет, а всё ни строчки,
Верлибр, вертеп, Верлен, верь мне, святой источник,
И полустанки, и станки, и в вихре пьяном
Кружатся мёртво старики: Союз с Бураном.

Два капитана, а звезда в системе третья,
И год шестой уже идёт тысячелетья.
Но всё никак, а в новостях — лишь горя море.
Сто пятьдесят чужих стихов на мониторе.